

ТРАГИЧЕСКОЕ БЕЗУМИЕ ПОРОКА

"Гибель богов" Висконти в трех временах

Время первое:

**1993 ГОД —
ВОСПОМИНАНИЕ**

Отчетливо помню ощущение стыда, заставившее опустить вниз глаза, когда несколько лет назад выходил из зала кинотеатра после просмотра «Гибели богов» Лукино Висконти. Влажная июльская духота не давала сделать глубокого вдоха и выдоха, чтобы сбросить оцепенение от зрелища бездонной пропасти низменных страстей, на краю которой оставил публику могучий талант великого итальянского режиссера. Оглядываясь вокруг, я видел, как замедляли темп движения мои соседи по толпе, плавно вытекавшей из узкого двора на Невский. Не было привычного оживления и обмена мнениями (все-таки фестиваль показ!). Каждый словно боялся признаться другому в испытанном мрачном потрясении. Нехотя высвобождаясь от магии увиденного, зрители делали по инерции несколько шагов и «переходили» из мира фильма в не столь уж мрачную реальность. Их подхватывал текущий по тротуару людской поток, оставляя каждому шанс в одиночку справиться с той громадой кинообразов, которая зовется «Гибелью богов» Лукино Висконти.

Говорят, что время повернуть вспять невозможно и годы стирают остроту впечатлений многолетней давности. Мне повезло. Роясь в завалах старых тетрадей, я недавно обнаружил собственный зрительский дневник, в котором фиксировал сумбурные мысли по поводу увиденных картин. Здесь и натолкнулся на заметки, посвященные тому памяtnому для меня просмотру фильма Висконти. А потому я доверяю вам впечатления образца 1985 года.

Время второе:

**1985 ГОД —
ВПЕЧАТЛЕНИЕ.
АПОКАЛИПСИС
ВИСКОНТИ**

Фреска Лукино Висконти «Гибель богов» — вершина всей фестивальной программы, ее сердцевина. Раньше я вряд ли предполагал в знаменитом «красном графе» Висконти такой темперамент, мощь, энергию и страсть при создании художественных образов. И «Одержимость», и «Рокко и его братья», и «Белые ночи», и «Невинный», и «Семейный портрет в интерьере» — все это казалось искусством уравновешенным, почти олимпийским, опирающимся на богатые культурные традиции. «Гибель богов» отношения Висконти с культурой продолжила, но перевела их в иной, обобщающий смысл. Традиции Вагнера и Томаса Манна прочитываются через структуру фильма. Но наполняются они какой-то одержимостью в желании исчерпать до дна все зло человеческого.

Это ведь не только о крахе Эссенбеков фильм, но мрачное пророчество гибели всей европейской цивилизации от чумы фашизма. Страх и отчаяние третьей империи воплощены в апокалиптических видениях насилий, убийств, растлений, расправ. Это действует угнетающе, но не становится для Висконти самоцелью. Через все это он проводит нас, зрителей, чтобы мы поняли грань катастрофы, на которой стоял мир. Нелегко актерам играть в таком фильме. Дирк Богард (Брукман), Ингрид Тулин (Софи Эссенбек), Хельмут Бергер — Мартин... Сугганные звездами кино персонажи — люди, слабости которых фашизм использует для растления души. Финальное

фашистское приветствие Мартина — «достойный» финал и эпилог гибели богов. «За человека страшно мне!»

Надежды нет почти никакой. Однако Висконти показывает всю силу духа людей, не подчинившихся тоталитарному режиму. И как пощечина выглядит появление Герберта Тальмана (Умберто Орсини) среди Эссенбеков, и его слова, которые он бросает всему клану в лицо. Его ждет смерть, но он останется незапятнанным. Смерть же других членов семейства будет ужасна и омерзительна. «Ночь длинных ножей», в которой гибнет Константин, — мастерское разоблачение Висконти звериной сути фашизма, его опоры на низменные инстинкты человека. После увиденного в этих сценах не надо никаких слов. Беспощадность Висконти к персонажам в форме носит общечеловеческий характер. В ней — сила и гениальность режиссера, расправившегося с ненавистным ему фашизмом во всех его ипостасях. Говорят, гнев — плохой советчик. Наверное, в жизни — да, но в искусстве он дает потрясающие результаты. Апокалипсис, «Ад», Босх, Вагнер — вот что приходит на ум при просмотре фильма. «Жить не хочется», — подумалось после «Гибели богов». Наверное, не так. Как раз и хорошо, что все это — в прошлом. А если бы это было в настоящем? Хотелось, чтобы Апокалипсис Висконти не сбывался. Но благодарность ему за художническую и человеческую смелость остается.

Время третье:

**1969 ГОД —
ЗАМЫСЕЛ И СМЫСЛ**

Замысел Висконти восходит к середине 60-х годов, когда режиссер был измучен размышлениями о будущем фильме, посвященном Германии, что диктовало поиски лите-

ратурной первоосновы для постановки. «Будденброки» Томаса Манна казались Мастеру наиболее приемлемыми, но желание постигнуть «негативные ценности» немецкой культуры привело к созданию оригинального сценария о семействе сталелитейных магнатов фон Эссенбеков. Название будущего фильма родилось почти сразу. Висконти намеренно подталкивал восприятие зрителей к ассоциациям со знаменитой оперной тетралогией Рихарда Вагнера «Гибель богов». Музыкально — драматический вариант крушения тевтонского мифа о сплоченности нации и семейства богов, погрязшего в «валлгалльских дрязгах», послужил мощным фундаментом для фильма.

В момент выхода «Гибели богов» на экраны мира (в Америке фильм назвали «Проклятые») Висконти четко сформулировал идею творческого первотолчка к созданию собственного трагического шедевра: «Я хотел взять какую-то одну маленькую группу, некое ядро, и взять семью, внутри которой решил развязать игру самых низких, самых подлых инстинктов. Это лишь один пример, им вовсе не исчерпывается весь нацизм; у нацизма были также и другие аспекты, но я принял во внимание данную его сторону, оставив без внимания другие, потому что иначе... мне пришлось бы писать историю Третьего рейха».

Висконти не пожалел публику, выплеснув на экран самые низкие пороки и слабости человеческой природы, в основном в сфере интимного бытия: гомосексуализм, педофилию, инцест, садизм. Все это затягивает персонажей «Гибели богов» в безумное стремление к самоутверждению и борьбе за власть и наследство. Готовые продать душу и тело хоть Дьяволу, хоть Гитлеру, члены семейства Эссен-

беков движутся к трагической развязке. Деграция человеческих чувств происходит на глазах. Гюнтер (Рено Верлэ), в прологе фильма играющий на виолончели, в финале берет в руки «Майн Кампф»... На упреки в пессимизме своего шедевра режиссер отвечал: «Говорят, что я не оставляю места для надежды... В «Гибели богов» — да, там я не оставил ни проблеска надежды. Вообразить некое спасение для этого клубка змей — все равно как если сказать: будем надеяться, что эти чудовища вернуться к жизни».

Мощь воздействия картины не ослабла за почти четверть века, прошедшие с момента ее создания. К сожалению, в иных мрачных подробностях «Гибели богов» эффект трагизма усилился. Безумие порока, овладевающего душой, телом и умом человека, обрекает его, по мысли Висконти, на абсурдный и мрачный карнавал, из которого, кажется, нет выхода. Так думает человек, которого однажды буквально вынесли на носилках из камеры смертников в подвалах римского гестапо. Вис-

конти справедливо полагал, что человек все же способен остаться человеком, сохранить веру в будущее. Висконти отказал выдуманному персонажу «Гибели богов» в этом праве, даровав его нам, зрителям фильма. У нас отныне есть шанс оценить всю прелесть и ценность нормального человеческого бытия независимо от политического климата и исторического прошлого. А как, скажите, иначе разомкнуть трагический круг безумных и порочных идей, страстей, поступков, которыми так испестрила история цивилизации в XX столетии? Вряд ли жизнь человеческая стоит того, чтобы тратить ее на стремление к химерам общественного переустройства мира...

Сергей ИЛЬЧЕНКО

P.S. «Гибель богов» Лукино Висконти можно посмотреть 29 марта в 19.50 в Сinemате-ке Санкт-Петербурга [ДК имени Ленсовета, Каменноостровский проспект, 42], а также 27 марта в 15.50 в кинолектории библиотеки имени Лермонтова [Литейный проспект, 19].